

В Диссертационный совет ФГБОУ ВО
«Российская академия народного хозяйства и
государственной службы
при Президенте Российской Федерации»
119571, г. Москва, проспект Вернадского, д.82

ОТЗЫВ

**официального оппонента – члена диссертационного совета
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ на диссертацию Рехтиной Ирины Владимировны
«Правовая определенность и ее обеспечение в гражданском судопроизводстве
Российской Федерации», представленную на соискание ученой степени докто-
ра юридических наук по специальности 5.1.3.
«Частно-правовые (цивилистические) науки»**

Актуальность темы и решаемых в диссертации научно-практических задач является очевидной. В течение многих лет с той или иной периодичностью предпринимались и продолжают предприниматься попытки сформировать целостное доктринальное представление о правовой определенности в цивилистическом процессуальном праве, а также механизме ее законодательной и правоприменительной реализации. Особенно активно к надлежащей тематике ученые и практики начали обращаться после ратификации Россией в 1998 г. Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – ЕКПЧ или Конвенция), а равно признания *ipso facto* и без специального соглашения юрисдикции Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней при предполагаемом нарушении Российской Федерацией положений этих договорных актов. Именно с этого момента правовая определенность, среди прочего предполагающая уважение принципа *res judicata* (т.е. правила о недопустимости повторного рассмотрения уже однажды разрешенного дела), стала привлекать к себе перманентное и неизменное внимание правоведов, в том числе занимающихся междисциплинарными исследованиями.

Суть научной новизны диссертации состоит в том, что автором сформулирован новый концептуальный подход к пониманию правовой определенности через следующую взаимосвязанную дискурсную триаду: стандарт, модель и режим. Синхронно впервые в науке отечественного процессуального права комплексно изучен генезис дефиниций «правовая определенность» и «*res judicata*», описана генеалогия определенности в конвенционном и зарубежном праве, выделены особенности и этапы развития указанного явления в гражданском судопроизводстве России.

Диссертантом верно определены **цель, задачи, объект и предмет исследования; степень обоснованности и достоверности изложенных научных положений, выводов и рекомендаций** высокая; она детерминирована использованием большого числа трудов по избранной теме. Всего в библиографическом списке присутствует свыше 1100 источников (среди них статьи, опубликованные в периодической печати, монографии, а также обширная судебная правоприменительная практика, в том числе ЕСПЧ).

Структура работы вполне логична, она корреспондирует предмету исследования, который всесторонне проанализирован автором, что доказывают положения, выносимые на публичную защиту. Работа состоит из введения, четырех глав, включающих одиннадцать параграфов, заключения, библиографии и приложений (в частности, авторского законопроекта о внесении изменений и дополнений в действующие ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ). **Методологической основой диссертации** выступает системно-структурный подход, обусловленный применением ряда общенаучных (диалектический, исторический и др.) и специальных методов (формально-юридический, логический, сравнительно-правовой и др.).

Первая глава «Генеалогия и концепции правовой определенности в гражданском судопроизводстве» посвящена изучению вопросов исторического развития правовой определенности в фокусе отечественного гражданского судопроизводства, выделению базовых учений о ней, а также обоснованию ее многоаспектной архитектуры. В связи с этим вполне приемлемой выглядит дескрипция пяти генеалогических этапов становления правовой определенности, последний из которых имеет место сегодня и сопровождается, как метко отмечает И.В. Рехтина, усилением приоритета национальных интересов (стр. 83-85 дисс.). Отсюда хотелось бы уточнить, каким образом такая тенденция в ближайшей перспективе может отразиться на понимании и видоизменении правовой определенности с точки зрения трансформации действующего механизма процессуального регулирования, а, следовательно, и на правоприменительной практике.

Далее, говоря об имеющихся научных концепциях правовой определенности, диссертант классифицирует их на монистические (с вычленением одного доминирующего признака); дуалистические (предполагающие двойственную правовую природу самой определенности, в частности в контексте субъективного и объективного моментов); плюралистические (очерчивающие сущность исследуемого явления в качестве свойства нормы права или его принципа, требования, предъявляемого к судебному постановлению, совокупности свойств законной силы решения органа правосудия и др.) (стр. 85-130 дисс.).

При этом мотивировано замечается, что «формирование и содержательное наполнение категории "правовая определенность", которое присуще праву и правовой системе любого государства, как некая его имманентная сущность, шло как на международном, так и национальном уровнях. Формулирование Европейским Судом правовых позиций относительно правовой определенности на уровне Совета Европы, как минимального стандарта, требующего обеспечения, не исключает формирование на национальном уровне данной категории с некоторыми отличиями или спецификой, обусловленными особенностями правовой системы, национальным режимом, системой права» (стр. 92 дисс.). Одновременно автор подчеркивает, что, по его мнению, было бы неверным ограничивать раскрытие сути данной юридической категории только лишь одной его ипостасью (т.е. через задачу, принцип, стандарт, критерий, качество закона, стабильность правоприменительного акта и пр.) (стр. 97 дисс.).

Безусловно, такой взгляд имеет право на существование, поскольку с одной стороны, он позволяет как можно более объемно уяснить такой сложный феномен как правовая определенность, обрисовать его в статике и динамике, но с другой — есть опасность «размыться мыслью по древу», не учесть все тонкости и нюансы современного международного и национального законодательства (и не только процессуального), а также практики его претворения в жизнь. К примеру, диссертант утверждает, что наличествует так называемая категориально-дефинитивная проблема, а именно отсутствие в тексте ЕКПЧ термина «правовая определенность», а также где-либо иного другого атрибутирования этого понятия.

Отчасти это действительно так. В европейском международном договоре с участием России *a priori* нет дефиниций, среди прочего правовой определенности, ее синтезацией и эволюционной интерпретацией занимаются страсбургские судьи. Вместе с тем, отечественное законодательство закрепляет, что правовая определенность — принцип, в соответствии с которым любое императивное требование должно быть ясным, логичным, понятным как правоприменителю, так и иным лицам, согласованным с целями и началами законодательного регулирования той или иной сферы и правовой системы в целом (ст. 7 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации»).

Разумеется, изложенное формальное определение правовой определенности является наиболее общим, распространяющим свое действие на юридические и организационные основы установления и применения содержащихся в нормативных правовых актах требований, оценка соблюдения которых осуществляется в рамках государственного и муниципального контроля. Оно далеко от смысловой коннотации правосудия и связи с правилом *res judicata*, тем не менее, таковое имеет место

быть и его нельзя игнорировать, особенно если автор ратует за широкий подход к проблематике.

Вслед за нормотворцами Конституционный Суд РФ в «Методологических аспектах конституционного контроля», одобренных им 19 октября 2021 г., отмечает, что с высоты правового регулирования «содержание принципа правовой определенности раскрывается в следующих, предъявляемых к нормотворческой и правоприменительной деятельности, правилах: стабильность правового регулирования; недвусмысленность и согласованность правовых норм, правоприменительных решений; единообразное применение закона, включая единство судебной практики». Если же спуститься на уровень повседневной правореализации, то названный принцип означает прежде всего стабильность судебных решений, т.е. неопровержимость вступивших в законную силу окончательных актов органов правосудия и установленных ими прав и обязанностей сторон, а также устойчивость судебной практики (п. 2.2.1. Методологических аспектов).

Заметим, что конституционные судьи специально заостряют внимание на том, что в узком значении правовая определенность есть тесная связь трех компонентов: а) неопровержимость решения суда, которое вступило в законную силу; б) как следствие, возникающая прочность материальных правоотношений истца и ответчика; в) константность и единство правоприменения в сфере правосудия. В этом плане авторская дефиниция, данная на страницах диссертации (стр. 129-130 дисс.), страдает некоторой однобокостью, т.к. не учитывает корреляцию презумпции истинности судебных постановлений (*res judicata pro veritate habetur*) и стазис материальных правоотношений, которые обретают свою бесспорность по итогам разрешения гражданского дела.

Ad vocem ради справедливости следует сказать, что неполноту дефиниции, которая была дана И.В. Рехтиной, в известной степени компенсирует предложенная концепция триады правовой определенности в гражданском судопроизводстве, включающая в себя стандарт, модель и режим (стр. 130-150 дисс.), коль скоро в последнем случае речь идет о «системе закрепленных в гражданском процессуальном законодательстве Российской Федерации правил, которые обеспечиваются совокупностью средств нормативного, правоприменительного и доктринального характера, направленных на обеспечение стандарта правовой определенности» (стр. 149 дисс.).

Единственное уточнение, которое, как нам думается, следует внести – это то, что данная триада скорее относится не к гражданскому судопроизводству, как функциональной деятельности суда и остальных участников процесса, которая детально урегулирована надлежащими нормами, а к цивилистическому процессуаль-

ному праву с его субсидиарной научной составляющей, ориентированной на доктринальное изучение и осмысления имплицитной сути указанных норм.

В главе второй «Стандарт правовой определенности гражданского судопроизводства» приводится разбор собственно самого стандарта, форм и способов его гарантирования посредством постановлений ЕСПЧ, а также использования этих постановлений при разрешении судами гражданских дел *ad rem*. Здесь вполне уместным является умозаключение диссертанта о том, что стандарт правовой определенности гражданского судопроизводства, как разновидность международного стандарта права на справедливое судебное разбирательство (ст. 6 Конвенции), а также как часть принципа верховенства права, включает минимальный набор требований, которым должно отвечать отраслевое процессуальное законодательство, а за ним – судебная практика и правовая доктрина (стр. 153 дисс.). Эти парадигмы таковы: стабильность правовой нормы с четкими темпоральными, территориальными, по субъектному составу границами действия; доступность и справедливость судебного производства; разбор казуса компетентным судом, созданным в силу закона; соблюдение разумного срока рассмотрения дела; невозможность пересмотра и отмены окончательного судебного постановления (уважение директивы *res judicata*); своевременное исполнение судебного акта; запрет на злоупотребление процессуальным правом (стр. 154-172 дисс.).

Рассуждая о формах и способах обеспечения актами ЕСПЧ стандарта правовой определенности в гражданском судопроизводстве, И.В. Рехтина правильно пишет, что на национальном законодательном уровне восприятие выраженных в постановлениях страсбургских судей правовых позиций реализуется в двух формах: непосредственной (при обнаружении нарушения конкретных норм международного договора со стороны России и надобности принятия мер общего (general) характера); опосредованной (путем рецепирования отдельных категорий и механизмов, содействующих повышению эффективности защиты прав и охраняемых законом интересов заинтересованных лиц) (стр. 173 дисс.).

Непосредственное воздействие постановлений ЕСПЧ на внутренний закон и судебное производство реализуются двумя способами – позитивным и негативным. Первый из них применяется, когда есть нормативный пробел или же отсутствует регулятивная теза, по причине чего ЕСПЧ настаивает на целесообразности восполнения юридической лакуны (стр. 176 дисс.). Негативный способ используется, если норма, охватывающая определенную группу общественных отношений, имеется в законе, но противоречит или частично не вписывается в конвенциональные установки. «Ярким примером негативного способа воздействия является пилотное Постановление Европейского Суда от 15.01.2009 г. "Дело Бурдов (Burdov) против Российской Федерации" (№ 2), – отмечает диссертант, – в котором Европейским

Судом было установлено, что на территории России отсутствуют эффективные средства правовой защиты в отношении неисполнения или несвоевременного исполнения решений, вынесенных в пользу заявителя, что дает возможность систематически уклоняться государству от погашения задолженности по судебным решениям, а стороны не располагают эффективным внутренним средством правовой защиты» (стр. 175 дисс.).

Приведенная авторская классификация способов непосредственного воздействия актов международного суда на гражданское судопроизводство является обдуманной и оригинальной. Но если обратиться к тексту означенного «пилотного» постановления, то в нем обнаруживается буквально следующее: «Европейский Суд заключает, что в стране-деликтвенте отсутствует эффективное внутреннее средство правовой защиты, превентивное или компенсаторное, обеспечивавшее адекватное и достаточное возмещение в связи с длительным неисполнением судебных решений, вынесенных против государства или его органов» (Постановление ЕСПЧ от 15 января 2009 г. по делу «Бурдов (Burdov) против Российской Федерации (№ 2)»).

Иными словами, «пилотные» постановления всегда высвечивают структурную и массовую дисфункцию, сопряженную с вакуумом надлежащего правового регламентирования, а потому такие постановления скорее относятся к позитивным непосредственным способам воздействия (а не к негативным, как полагает автор). В частности, наш довод подтверждается принятием Федерального закона от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», как ответной реакции на постановление ЕСПЧ по делу «Бурдов (Burdov) против Российской Федерации (№ 2)». Аналогичный позитивный инструментарий сравнительно широко употребляется не только касательно нашей страны, но и иных государств, что хорошо показано в последней книге Амаля Клуни и Филиппа Уэбба «Право на справедливое судебное разбирательство в международном праве» (2020 г.) (Amal Clooney, Philipp Webb. *The right to a fair trial in international law*. Oxford, 2020), посвященной соответствующей проблематике.

Весьма глубокими выглядят воззрения диссертанта на градацию прав по линии межевания на «абсолютные» и «относительные». В работе утверждается, что изучение постановлений страсбургских судей позволяет сказать о том, что относительные права могут быть подвергнуты рестрикции, если это: основано на законе; преследует социально значимую и легальную цель (например, обеспечение общественной безопасности, защита морали, нравственности либо прав и законных интересов других лиц); необходимо в демократическом обществе (должна быть соблюдена пропорциональность средств преследуемой цели).

Отсюда можно считать, что в исключительных случаях отступление от правил правовой определенности в гражданском судопроизводстве допустимо (несмотря на то, что в работе право гражданина на правовую определенность в субъективном аспекте называется естественным правом (*sic!*) (стр. 15 дисс.). Причем, как подчеркивает И.В. Рехтина, в рамках «конкуренции двух принципов – принципа восстановления нарушенных прав (*restitutio in integrum*) и принципа правовой определенности (*res judicata*) – устанавливается приоритет принципа восстановления нарушенных прав над принципом правовой определенности» (стр. 194-195 дисс.).

Между тем такой вывод нуждается в уточнении, поскольку в советский период онтогенеза гражданского процессуального права начало *restitutio in integrum* фактически уничтожило *res judicata*, а не сбалансировало его. Отчасти подобный ложно привлекательный редукционизм сохраняется и сейчас, скажем, если речь идет о том, что в интересах законности кассационный суд общей юрисдикции вправе выйти за пределы доводов кассационных жалобы, представления (ч. 2 ст. 379.6 ГПК РФ). И это при том, что Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 22 июня 2021 г. № 17 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции», как представляется, дал чрезмерно пространное толкование «интересов законности», что позволяет вышестоящим органам правосудия достаточно легко преодолевать принцип правовой определенности (в контексте широкой дискреции по сохранению или не сохранению окончательности и неопровержимости вынесенных решений, вступивших в законную силу).

В главе третьей «Модели правовой определенности гражданского судопроизводства» исследуются две подобные модели, реализуемые в пределах *Civil Law* и *Common Law*. В связи с чем диссертант достаточно аргументировано настаивает на том, что тип правовой семьи есть ключевой фактор, обуславливающий выбор модели правовой определенности, которую государство формирует на своей национальной платформе. Это обстоятельство позволяет выделить несколько видов (типов) моделей правовой определенности, имеющих специфические признаки, черты, свойства, предопределенные тем или иным типом правовой системы (стр. 241 дисс.).

Первая модель (*Civil Law*, романо-германского или континентального права) характеризуется такими признаками как: склонность юридической доктрины к конституированию понятия правовой определенности, разработке ее научной концепции; здесь так или иначе определенность фиксируется формально-нормативно и адресуется судебной власти в целях обеспечения гомогенности правоприменения.

Вторая модель (Common Law, общего или прецедентного права) имеет следующие черты: правовая доктрина не стремится к выработке соответствующего унифицированного определения; изобилует множественными концепциями относительно средств, способов, механизмов, гарантирующих правовую определенность; ее режим формируется преимущественно посредством прецедентов, адресованных прежде всего участникам процесса (стр. 258 дисс.).

Применительно к российскому гражданскому судопроизводству автор справедливо констатирует, что в современных условиях можно говорить о транзитивной модели правовой определенности, поскольку еще сохраняются архаичные элементы прежних периодов. В частности, такие рудиментарные явления как: многоступенчатость обжалования (или обжалование *ad infinitum*); раздвоение и дублирование инстанций; субъективные дискреционные полномочия должностных лиц, от которых зависит пересмотр; неотчетливость некоторых оснований отмены окончательных судебных постановлений и иные, вносящие дисбаланс в режим правовой определенности и препятствующие завершению формирования ее модели в ракурсе достижений Civil Law (стр. 264 дисс.).

В свете всего сказанного выше желательно выяснить авторскую позицию о соотношении правовой определенности с двойной сплошной кассацией во взаимосвязи с недавним учреждением обособленных надрегиональных кассационных судов общей юрисдикции, действующих на основе принципа *ex territorialis*.

В четвертой главе «Режим правовой определенности гражданского судопроизводства» дается понятие данного режима, описывается роль Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ в его обеспечении, выявляется значение правил *res judicata*, *estoppel*, *lis pendens*, *non bis in idem* применительно к гражданскому судопроизводству.

По мнению диссертанта, режим правовой определенности гражданского судопроизводства – специальная система правил, включающих совокупность гражданского процессуального законодательства, правоприменительной практики, доктринальных положений, с помощью которых при рассмотрении гражданских, административных дел, экономических споров обеспечивается стандарт правовой определенности (стр. 17 дисс.). Grosso modo с таким утверждением можно согласиться, если опереться на общетеоретические разработки в области правовых режимов, как порядков регулирования, которые выражены в комплексе правовых средств, характеризующих особое сочетание взаимодействующих между собой дозволений, запретов, а также позитивных обязываний и создающих особую направленность регулирования (С.С. Алексеев).

Однако не совсем понятно, почему автором в режим правовой определенности включается доктрина, ведь таковая *de jure* не относится к источникам, которым официально руководствуются суды для разрешения гражданского дела по существу. Пожалуй, единственным исключением можно признать применение норм иностранного права, содержание которых может быть установлено органом правосудия с учетом доктринальных сентенций (ст. 14 АПК РФ). При этом еще раз заметим, что все же стоит дифференцировать режим правовой определенности, свойственный гражданскому судопроизводству и гражданскому процессуальному праву. В последнем случае допустимо говорить о связанности режима и доктрины (отчасти это транслирует и сам диссертант в положении восьмом, выносимом на защиту, когда пишет о том, что понятийно-категориальный аппарат гражданского процессуального права созависим с доктринальной формой) (стр. 20 дисс.).

В работе через призму избранной темы тщательно изучено производство по пересмотру вступивших в законную силу судебных постановлений. Так, И.В. Рехтина заключает, что сегодня наибольшие проблемы на предмет соответствия принципу правовой определенности и критерию *res judicata* вызывают положения, неоднократно критикуемые ЕСПЧ, а именно нормы об исключительных полномочиях Председателя Верховного Суда РФ (его заместителя) в сфере восстановления пропущенного срока подачи надзорных жалобы, представления (ч. 4 ст. 391.2 ГПК РФ, ч. 5 ст. 333 КАС РФ) и др. (ч. 3 ст. 390.7 ГПК РФ, ч. 4 ст. 323 КАС РФ). Автором небезосновательно замечается, что «данные дискреционные полномочия унавливают сверхконтрольные процедуры над существующим многочисленными порядками обжалования, изначально противоречат принципу правовой определенности (правилу *res judicata*) и праву на справедливое судебное разбирательство, бюрократизируя систему пересмотра судебных актов, нивелируя прозрачность судебной системы, исключая доступность и справедливость судебного разбирательства» (стр. 331 дисс.).

Однако Конституционный Суд РФ высказался по этому вопросу под иным углом зрения. В одном из его недавних определений сказано: при пропуске срока, закрепленного ст. 391.11 ГПК РФ, он может быть восстановлен по заявлению заинтересованных лиц судьей Верховного Суда РФ. Дополнительной гарантией реализации данного права служит возможность обращения к Председателю Верховного Суда РФ (его заместителю) с просьбой не согласиться с определением судьи Верховного Суда РФ (Определение Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2019 г. № 1029-О). Позднее конституционными судьями тождественная теза была сформулирована относительно права Председателя Верховного Суда РФ (его заместителя) не согласиться с определением об отказе в передаче кассационных жалобы, представ-

ления для рассмотрения в судебном заседании (Определение Конституционного Суда РФ от 30 ноября 2021 г. № 2485-О).

Исходя из этого, интересно было бы узнать мнение диссертанта о том, нет ли здесь коллизии между правовыми позициями ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ, и если она имеется, то как она может быть нивелирована?

В главе четвертой работы довольно много внимания уделяется институализации *res judicata* в контексте таких явлений, как установление пресекательного срока на апелляционное, кассационное, надзорное обжалование (ст.ст. 320, 336, 391.1 ГПК РФ, ст.ст. 259, 276, 291.2, 308.1 АПК РФ), конкретизация оснований отмены судебных актов (ст.ст. 387, 391.9 ГПК РФ, ст.ст. 288, 291.11, 308.8 АПК РФ), наличие последней инстанции для пересмотра судебного акта. Но, к сожалению, ничего не сообщается о соотношении начал *res judicata* и *non reformatio in peius*, хотя в свое время Конституционный Суд РФ вполне отчетливо выразился на этот счет: а) отмена судебного решения в связи с изменением высшим судебным органом (уже после вынесения решения) толкования положенных в его основу норм права, если она приводит к ухудшению правового положения гражданина, расценивается ЕСПЧ как несовместимая с принципом правовой определенности б) и наоборот, этот принцип не может пониматься как препятствующий отмене вступившего в законную силу судебного решения, если она необходима для улучшения его правового положения гражданина (Постановление Конституционного Суда РФ от 21 января 2010 г. № 1-П).

И последнее, автор правильно пишет, что до сих пор «открытым является вопрос, связанный с возможностью пересмотра дел, в которых российскими судами допущены нарушения, аналогичные выявленным Европейским Судом по обращениям других граждан» (стр. 221 дисс.). Известно, что Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 473-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» *ex officio* допущен пересмотр судебных постановлений, вступивших в законную силу, по вновь открывшимся или новым обстоятельствам в связи с вынесенным постановлением Конституционного Суда РФ не только по требованию непосредственного заявителя, но и для всех иных лиц, в случаях предусмотренных Федеральным конституционным законом от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Сообразно с этим полагает ли автор, что сходный регулятивный механизм можно использовать по поводу итоговых постановлений ЕСПЧ, адресованных России (например, по аналогии процессуального закона)?

В целом сформулированные суждения и замечания носят частный характер, они не влияют на общую положительную оценку научного исследования, которое обладает научной новизной, внутренним единством и завершенностью, а также теоретической и практической значимостью.

Вывод: Все изложенное позволяет сделать заключение о том, что диссертация Рехтиной Ирины Владимировны «Правовая определенность и ее обеспечение в гражданском судопроизводстве Российской Федерации», является научно-квалификационной работой, в которой разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение в сфере частно-правовых (цивилистических) наук, в ней содержится решение задачи, имеющей важное значение для развития юридической науки и практики, что соответствует требованиям Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в ред. от 11 сентября 2021 г.), а равно п.п. 2.1., 2.2., 2.4. Порядка присуждения ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, утвержденного приказом Ректора Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» от 20 сентября 2019 года № 02-1049, а ее автор – Рехтина Ирина Владимировна, заслуживает присуждения ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.3. – «Частно-правовые (цивилистические) науки».

Официальный оппонент,
член диссертационного совета РАНХиГС,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой арбитражного процесса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия»

Афанасьев Сергей Федорович

«20» января 2022 г.

Контактные данные:
Тел.: 8-8452-29-90-37
e-mail: k_arb@ssla.ru

Адрес места работы:
410056, г. Саратов, Саратовская область, ул. Вольская, дом 1
<http://www.ssla.ru/>
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
Тел.: 8-8452-29-90-37
e-mail: k_arb@ssla.ru, k_arb2@ssla.ru

